

© 1997 г. Рик Дж. Шейдт

**ЭКОЛОГИЯ СТАРЕНИЯ: ИЛЛЮСТРАЦИИ
ИЗ СЕЛЬСКОГО КАНЗАСА***

Описываются общие черты экологии старения. Иллюстрируются два различных подхода к изучению сельских популяций стареющих людей на среднем Западе США. Первое исследование использовало более традиционную интеракционистскую парадигму: изучались аспекты окружающей среды, влияющие на психическое здоровье примерно тысячи стареющих жителей из восемнадцати маленьких провинциальных городов (численностью 2500 жителей и меньше). Представлены результаты факторного анализа и моделирования связей между переменными (path modelling). Предлагаются таксономии профилей психического здоровья и характера восприятия окружающей среды.

Второе исследование, проведенное 10 лет спустя, использовало транзактный подход для создания систематики факторов окружающей среды, влияющих на качество жизни пожилых людей, жителей четырех экономически неблагоприятных, "умирающих" городов. Анализируются результаты изучения фактора "значимость места [жительства]" для пожилых людей этих сообществ. Кратко обсуждается значение данных двух исследований.

Ключевые слова: сельская окружающая среда, старение, психическое здоровье, психологическое благополучие.

Экология старения – одна из наиболее активно разрабатываемых областей исследования в рамках современной геронтопсихологии. Отпочковавшись от "психологии окружающей среды" (environmental psychology), экология старения скорее представляет общую перспективу исследований в области "окружающая среда – поведение", нежели является специальной теорией или методом. Исследовательская работа по экологии старения характеризуется большим концептуальным и методическим разнообразием, что делает трудным выведение одного удовлетворительного определения этой предметной области. Полезным для ориентации является определение, данное Лаутоном (Lawton) и Неймоу (Nahemow) в 1973 г.: "Экология старения – это система непрерывной адаптации, в которой и организм, и окружающая среда изменяются во времени упорядоченно" [5, с. 621].

Из этого определения вытекают несколько выводов для исследовательской работы [17]. Во-первых, общая цель экологии старения состоит в понимании возрастных изменений поведения, которые возникают из взаимодействий человека с окружающей средой. Конечно, существует значительное разнообразие путей, избираемых исследователями для трактовки ключевых компонентов этого определения. Например, такие термины, как "поведение" или "окружающая среда" могут принять разнообразные концептуальные содержания. Кроме того, большинство авторов признает, что люди и

* Перевод с англ. яз. Н.Д. Былкиной.

окружающий их мир могут оказывать друг на друга одновременное воздействие, хотя все еще продолжают споры относительно справедливости реципрокной или однонаправленной моделей этих взаимоотношений.

Во-вторых, существует отчетливый интерес к изучению адаптации, т.е. того, как стареющие люди справляются с возникающими с течением времени внутренними и внешними нуждами и требованиями.

В-третьих, исследования в этой области ориентированы главным образом на решение жизненных задач. Информация, полученная благодаря изучению взаимодействий "субъект – окружающая среда", часто используется для того, чтобы увеличить соответствие потребностей пожилых людей требованиям, налагаемым на них окружающей средой. Наиболее часто это вмешательства, направленные либо на увеличение приспособляемости пожилых людей, живущих в условиях, которые трудно изменить, либо, наоборот, на модификацию особенностей окружающей среды, чтобы она соответствовала тем, кто уже не может измениться сам.

Наконец, работы по экологии старения не ограничиваются какой-то одной психологической субдисциплиной. Экология старения мультидисциплинарна по природе и находится на стыке психологии развития, психологии окружающей среды, социальной и клинической психологии.

В последние годы интерес ученых сосредоточен на изучении разнообразия популяций пожилых людей и типов окружающей среды. Это подразумевает анализ восприятия окружающей среды, стресса, связанного с ней, влияния социальных, физических, административных аспектов окружения на пожилых людей, живущих в специальных учреждениях, а в более широком контексте – влияния соседства и местных сообществ [10, 17].

В течение последних 15 лет увеличилось количество работ по поведенческой экологии пожилых людей в *сельской* местности. Такое внимание совершенно оправданно, поскольку приблизительно четверть (8,2 миллиона) всех пожилых людей (в возрасте 65 лет и старше) в США проживает вне крупных городов. Кроме того, по сравнению с пожилыми жителями крупных городов, большая часть престарелых вне метрополий живет в бедности; они менее образованны, обитают в домах худшего качества, описывают себя как менее здоровых и вынужденных дольше добираться до медицинских учреждений (по данным Департамента здоровья США, апрель 1993).

В настоящей статье описаны два исследования старения в сельских условиях, проведенные за последние 15 лет. Они иллюстрируют два контрастирующих подхода в экологии сельского старения. Несмотря на различие подходов, методов, формы представления данных, объект изучения в обоих случаях один и тот же – пожилые люди сельских районов. В первой работе был применен метод обследования большого числа испытуемых для проверки модели, отражающей влияние факторов окружения на психологическое благополучие пожилых людей в маленьких провинциальных городах в поздние 70-е – ранние 80-е годы, – относительно благополучные экономические времена.

Во второй работе, выполненной в течение трех последних лет, использован подход, именуемый "case-study" (изучение случая), позволивший получить качественные данные о небольшом числе пожилых людей в четырех сельских населенных пунктах, переживающих суровые экономические проблемы, угрожавшие их выживанию. Обе работы иллюстрируют различные подходы, применимые к анализу связей "старение – окружающая среда". В каждом исследовании *получены результаты, которые могут помочь нашему пониманию путей влияния сельской окружающей среды на качество жизни пожилых людей.*

Исследование 1. Факторы окружающей среды, предсказывающие психологическое благополучие. В 1992 году при финансовой поддержке Национального Института психического здоровья д-р П. Уиндли, архитектор и специалист по экологии поведения совместно с автором настоящей статьи провели исследование факторов окружающей среды, связанных с психологическим благополучием пожилых людей в маленьких

Обобщенные психосоциальные и экологические/архитектурные единицы, выделенные с помощью факторного анализа из данных интервью (N = 989)

Характеристики городов:	
психосоциальные	экологические и архитектурные
степень автономности в сообществе включенность в сообщество удовлетворенность сообществом представление об идеальном сообществе близость—согласие в сообществе изоляция—отдаленность молодых и старых в сообществе, нормы препятствующие активности пожилых	удовлетворенность характеристиками жилища сенсорная стимуляция осведомленность о сообществе доступность социальных служб ограничения окружающей среды осведомленность о социальных службах

городках штата Канзас. Прделанная работа уникальна в нескольких аспектах. Во-первых, это было первое в США многофакторное, систематическое исследование психического здоровья пожилых американцев, живущих в сельской местности. Во-вторых, это было первое исследование, использовавшее маленький город как единицу анализа. В-третьих, это было первое исследование, рассматривавшее физический, социальный и демографический параметры окружающей среды для предсказания вариаций в психическом здоровье у пожилых сельских жителей в Соединенных Штатах. На момент проведения исследования около 25% американцев в возрасте 65 лет и старше проживали в городах численностью менее 2500 жителей. С экономической точки зрения маленький город Америки на среднем западе США был тогда в лучших условиях, чем сегодня.

МЕТОД: ВЫБОРКА И ПАРАМЕТРЫ ИЗМЕРЕНИЯ

Выборка состояла примерно из тысячи пожилых людей, живших в восемнадцати маленьких канзасских городах численностью 2500 жителей и менее. Города и округа были объединены в матрицу 3×3 в зависимости от размера города (100–500; 501–1,500; 1,500–2,500) и категории округа (сельский, сельско-городской, городской). Степень "сельскости" определялась по критериям географическому и профессиональной деятельности. Количество пожилых людей в выборке было пропорционально размеру города. Работая с группами пожилых в каждом городе, 10 интервьюеров проводили часовое стандартное структурированное интервью с 994 жителями от 65-ти лет и старше [21].

Данные интервью, подвергнутые факторному анализу по методу главных компонент, использовались для вычленения обобщенных единиц восприятия физических и социальных аспектов окружающей среды восемнадцати городов. Перечень этих обобщенных единиц представлен в табл. 1.

Параметр *воспринимаемые физические компоненты окружающей среды*, например, оценивал *восприятие социальной инфраструктуры*, включавшее осведомленность о существующих в городе службах и их доступности. Для определения *когнитивной четкости* окружающей среды маленького города пожилых людей просили ознакомиться с гипотетического незнакомца с их городом, используя его карты. Ограничения окружающей среды были измерены с помощью отчетов о том, в какой степени физические и социальные барьеры (переполненные улицы, шум) препятствовали участию пожилых людей в различных делах города. Оценивались удовлетворенность температурой, уровнем освещения, адекватностью пространства, степенью уединенности и качеством домов, соседским окружением. Было измерено также восприятие жителями *социального климата* каждого города, что включало оценку того, насколько люди были удовлетворены городскими ресурсами, своими отношениями с другими жителями, возможностями обучения новым навыкам для повышения самоуважения. Сюда же относилось и оценивание социальных норм, т.е. отчеты о случаях принуждения в выполнении норм и возможном чувстве изолированности, выключенности из городских дел.

Статус психического здоровья, как один из параметров психологического благополучия, оценивался с помощью трех диагностических средств: шкалы удовлетворенности (счастья) Филадельфийского Гериатрического Центра (Philadelphia Geriatric Center Morale Scale – Lawton, 1975 [6]), шкалы общего аффективного баланса Брадбурна (Bradburn's Total Affect Balance Scale – Bradburn, 1969 [2]) и шкалы психиатрического скрининга Лангнера (Langner's 22-item Psychiatric Screening Scale – Langner, 1962; Scheidt, 1985 [4, 13]).

ИЛЛЮСТРАТИВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

Психологическое благополучие. Проведенное исследование содержит много важной информации. Здесь предложены результаты, наиболее релевантные экологии сельского старения.

Прежде всего, каков статус психического здоровья данной части сельской популяции? Анализ материала по трем шкалам психического здоровья (использовался стандартный cutoff – критерий¹) обнаружил, что 21% обследованных показывают низкую удовлетворенность по шкале Лаутона (P.G.C. Morale Scale), приблизительно 23% были скорее несчастливы, чем счастливы по шкале общего аффективного баланса Брадбурна, и у 12% выявилось относительно "большое" число психиатрических симптомов в соответствии с Психиатрическим индексом Лангнера.

Каковы же некоторые основные выводы из этих результатов? Ограниченные эпидемиологические данные относительно психологического благополучия сельских и городских субпопуляций пожилых людей препятствуют проведению валидных региональных сравнений. В то же время количество так называемых несчастливых людей в настоящей выборке составляло около половины от числа, приведенного в исследовании городского Хьюстона (Техас), тогда как распространенность психиатрических симптомов находилась примерно на таком же уровне. Хотя только 1% из обследованных нами пожилых людей официально обращался за психологической помощью, полученные данные свидетельствуют о большом количестве случаев, которые эпидемиологи обозначают как "реальные, но не лечившиеся", т.е. было выявлено много жителей, отмечавших состояние психологической неудовлетворенности, но не получавших помощи от профессионалов в области психического здоровья, а также тех, кто мог оказаться в "группе риска" в отношении более серьезных психических расстройств.

Факторы окружающей среды, предсказывающие психологическое благополучие. В какой мере параметры, относящиеся к окружающей среде, были способны предсказать различие баллов по психическому здоровью и что это были за параметры? Рис. 1 демонстрирует первую модель связи переменных, построенную для решения подобных вопросов [23]. Все величины на штриховым стрелках относятся к частично стандартизированным бета-коэффициентам или пропорциям стандартного отклонения в зависимой переменной, предсказанным каждым изменением одного стандартного отклонения в любой специфической независимой переменной. Модель была проверена дважды, по одному разу для двух случайно взятых групп из общей выборки. Величины в скобках относятся к бета-коэффициентам для группы, протестированной первой. Зависимая переменная – "психическое здоровье" – представлена обобщенными баллами по каждой из трех шкал психологического благополучия, описанных выше.

В этих данных есть, так сказать, хорошие новости и несколько разочаровывающие. К первым относится то, что все демографические параметры и параметры окружающей среды, предсказывавшие психическое здоровье в используемой модели, были статистически надежными. Наилучшими предикторами психического здоровья среди параметров физических условий оказались "ограничения окружающей среды" и "удовлетворенность характеристиками жилища". Это означает, что те из пожилых

¹ Критерий "cutoff" позволяет произвести отсечение или прекращение выборки в той точке, где становится ясным, что сведений собрано достаточно (*прим. науч. ред.*).

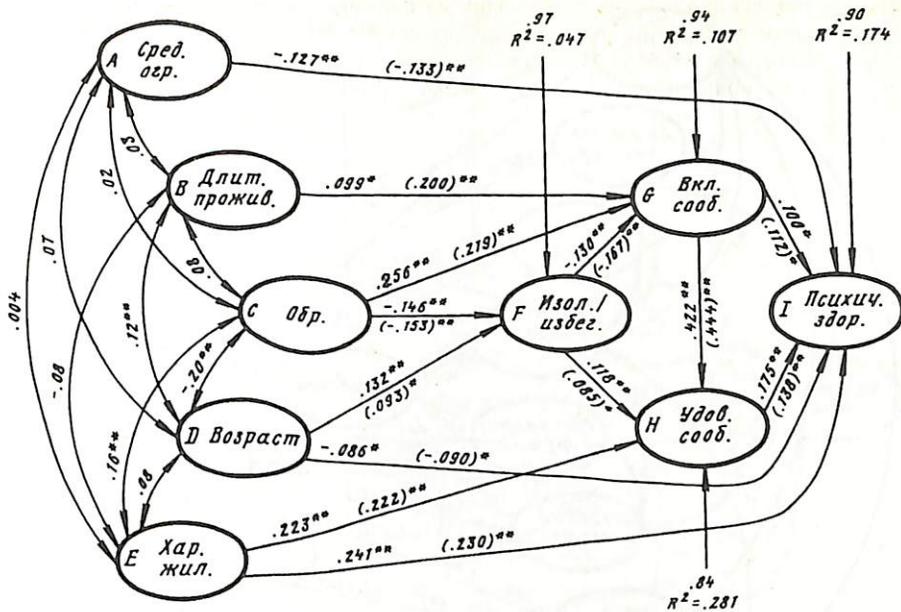

Рис. 1. Модель влияния факторов окружающей среды и демографического фактора на психическое здоровье. Величины в скобках – стандартизированные коэффициенты связей, подсчитанные на исследованной выборке (* $p < 0,5$; ** $p < 0,1$)

людей, которые указывали на наличие больших физических и социальных "барьеров" в окружающей среде, и те, которые были менее удовлетворены характеристиками жилища, имели тенденцию к снижению баллов по психическому здоровью. Что касается социальных аспектов окружающей среды, то люди, указывавшие на большее чувство изолированности и отдаленности от социума, меньшую включенность в дела сообщества и удовлетворенность своим городом, также имели более низкие баллы по психическому здоровью. Однако, в определенной степени разочаровывает то, что комбинация восьми предикторов смогла объяснить только 17% разброса баллов по психическому здоровью.

Более сложная модель связи переменных, построенная позднее, объяснила 26% разброса баллов по психическому здоровью для пожилых мужчин (рис. 2) и 27% разброса у пожилых женщин (рис. 3). В этой модели двумя наиболее сильными и прямо направленными предикторами психического здоровья и для мужчин, и для женщин были "уровень активности" и "удовлетворенность характеристиками жилища". Как представляется, из поло-специфичных предикторов для мужчин наиболее мощными являются те, что ближе к характеристикам жилища; для женщин таковые включали широкие, сфокусированные на сообществе показатели удовлетворенности. Вскрытая разница, возможно, связана с половыми дифференциациями в супружеском статусе и жизненном устройстве. Большее число мужчин (86%), в сравнении с женщинами (44%), состояло в браке: кроме того, только 17% мужчин (в противоположность 51% женщин) сообщало о жизни в одиночестве. Таким образом, указанные социальные особенности могли сделать вероятным то, что мужчины в целом были в большей степени удовлетворены показателями, относящимися к их жилищу, тогда как женщины искали социальной стимуляции и удовлетворения в более широком сообществе [16]. Относительно малая степень предсказания разброса баллов по психическому здоровью не удивительна, при условии тенденции экспериментаторов находить в общем немного влияний факторов окружающей среды на

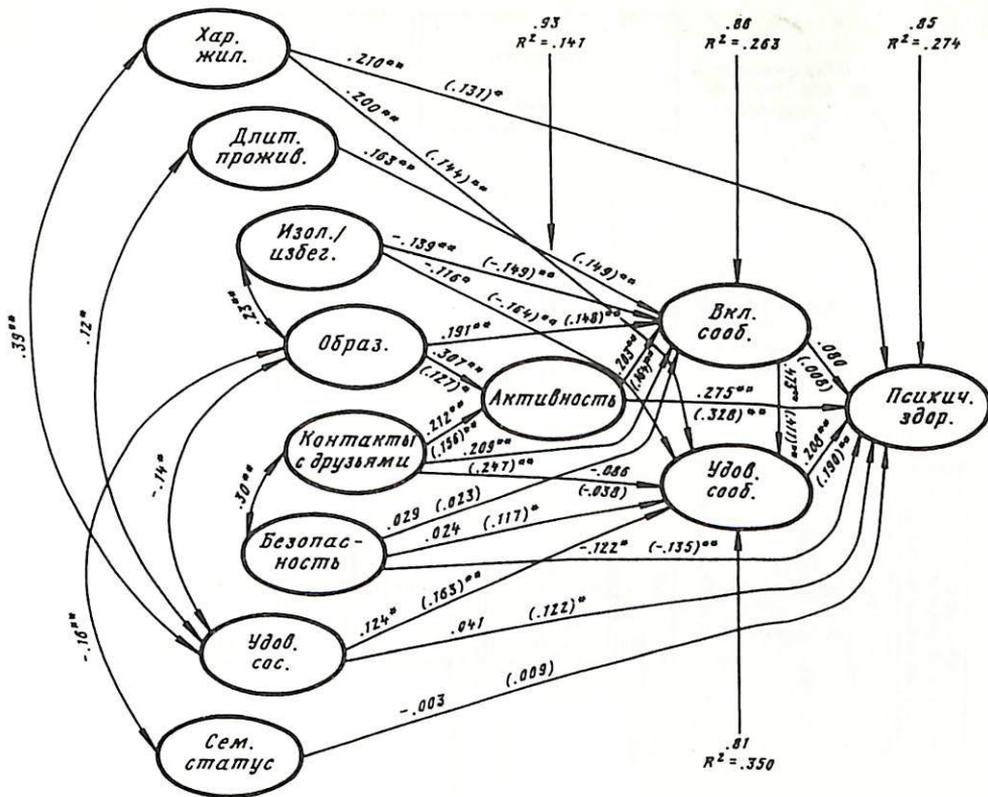

Рис. 3. Модель влияния факторов окружающей среды, демографического и фактора благополучия на психическое здоровье женщин. Величины в скобках – стандартизированные коэффициенты связей, подсчитанные на исследованной выборке женщин (* $p < 0,5$; ** $p < 0,1$). На рисунке показаны только те отношения между экзогенными переменными, которые значимы на уровне $p = 0,5$ или меньше

пожилых людей с низким уровнем личных контактов с родственниками и друзьями. Группа "полностью включенных" набрала более высокие баллы по всем трем факторам, тогда как группа "невключенных" состояла из счастливых, здоровых людей, которые были менее активны и гораздо менее включены в социальные связи. Наибольший интерес вызвала группа "хрупких". Входящие в нее люди (83 человека) были наиболее несчастливыми, наименее здоровыми и наиболее изолированными. Возможно, у этих людей был наиболее велик риск психологического расстройства и они в большей степени нуждались в неформальной и формальной поддержке и помощи [12].

Последняя иллюстрация из сообщаемого исследования представляет результаты связывания таксономии факторов окружения с таксономией психологического благополучия. Рис. 5 демонстрирует восприятие окружающей среды людьми, включенными в четыре наиболее крупных по численности профиля психологического благополучия. На оси абсцисс показаны обобщенные параметры физических, социальных и связанных с социальными службами аспектов окружающей среды. Ось ординат отражает оценки отдельных сторон окружающей среды у четырех групп с различными психологическими профилями (средняя величина t -балла равна 50, стандартное отклонение – 10). Читатель должен обратить внимание на группу "хрупких", обозначенную сплошной тонкой линией. По сравнению с тремя другими группами они

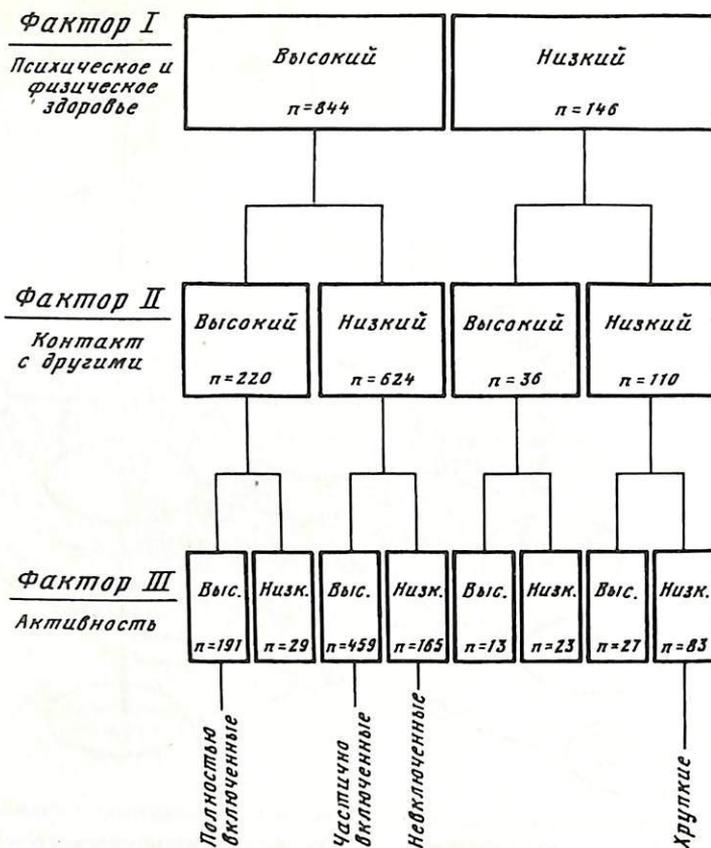

Рис. 4. Три фактора благополучия (II порядка) и группы, образовавшиеся вследствие комбинации высоких-низких (2x3) баллов по факторам. Названия, расположенные внизу рисунка, обозначают четыре наибольших по численности таксономических профиля

демонстрировали более слабое чувство автономности в сообществе, воспринимая свои города как "не поощряющие независимо мыслящих". Они также описывали себя как менее удовлетворенных сообществом и менее включенных в него. Они обнаруживали значимо более выраженные чувства изолированности, значимо более низкие уровни удовлетворенности характеристиками жилья, в наибольшей степени ощущали наличие барьеров в окружающей среде их городов. Понятно, что восприятие окружающей среды у этих людей, как и у счастливых, но неактивных – "невключенных" – пожилых людей, существенно отличалось от оставшейся части выборки. Конечно, нужно проявлять осторожность и не предъявлять чрезмерные претензии к поискам доказательств каузальных связей. Проблемы наиболее несчастливых пожилых людей могут быть вызваны не только окружающей средой; некоторые несчастливые люди вполне могут оставаться таковыми где угодно. Изменение окружающей среды ради повышения уровня психологического благополучия может быть бесполезным для определенных субпопуляций более хрупких пожилых людей [18, 24, 25]. Конечно, это всего лишь некоторые примеры из большого и сложного набора данных. Далее будет проиллюстрирован второй, скорее "качественный" подход к изучению экологии сельского старения.

Исследование 2. Из "маленького города" – в "город-призрак". Печальным фактом является то, что из-за реструктурирования американской сельской экономики в

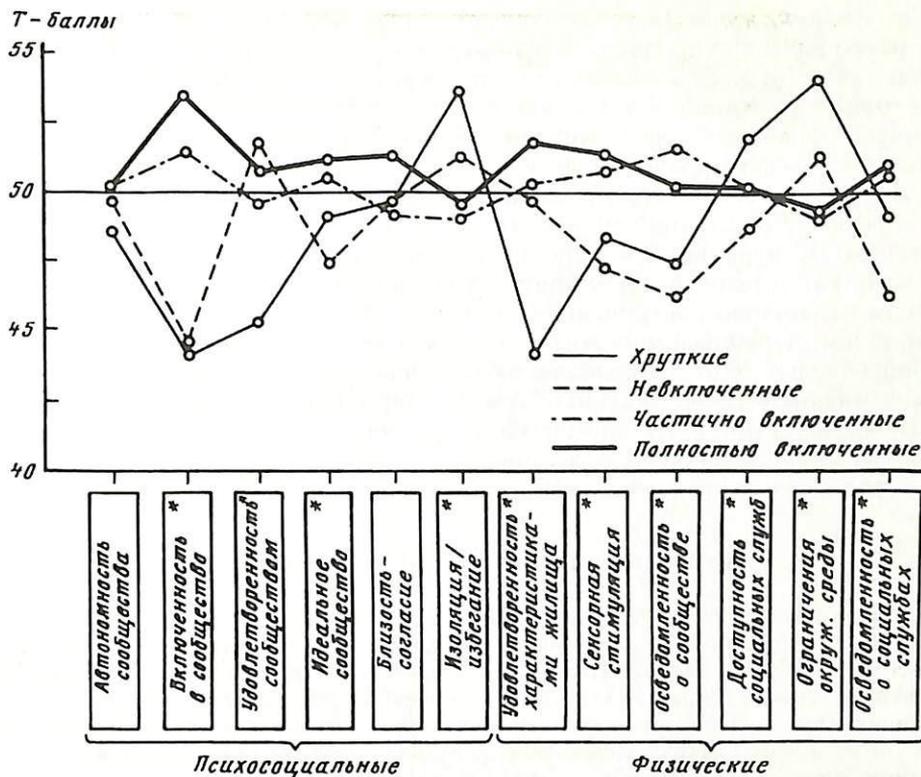

Рис. 5. Профиль оценок различных параметров психосоциального и физического окружения для четырех групп пожилых людей маленьких городов (* $p < 0,05$).

1980-х гг. по крайней мере половина маленьких городов в Канзасе и ряде других штатов Среднего запада стали постепенно "умирать"². Многие маленькие города превратились в "сельские гетто" или "города-призраки", особенно в отдаленных районах, с экономикой, зависимой от производств, основанных на земле, таких, например, как сельское хозяйство и производство растительного масла. Во многих городах практически исчезла инфраструктура обслуживания. Жители были вынуждены тратить свои деньги в других городах, сокращая налоговую базу для поддержания находящейся в угрожающем состоянии инфраструктуры собственного города [9, 14, 15].

Большое внимание психологов, занимающихся проблемами сообществ (community psychologists), оправданно сфокусировалось на проблеме непосредственного воздействия этих изменений на сельские фермерские семьи и молодежь. И очень мало исследований посвящено забытым популяциям пожилых людей, живущих в таких "опасных" городах. Тот факт, что 91% сельских пожилых людей в США проживают именно в маленьких городах, сделало эту проблему еще более острой. Пожилые люди составляют 15% населения в некоторых сельских населенных пунктах. Изменения, произо-

² В 80-е гг. в США упал экспорт сельскохозяйственных культур. Резко снизились доходы фермеров и ценность земель. Многие фермеры разорились, прежде всего те, кто занял большие суммы в кредит. Была поражена целая система сельскохозяйственного кредита. Города и округа, зависящие от сельскохозяйственного дохода, стали экономически упадочными. Хотя ситуация в конце 80-х гг. начала выправляться, многие маленькие города и, особенно, деревни гибнут до сих пор (прим. авт.).

шедшие в сельской экономике, создали во многих сельскохозяйственных районах новый демографический профиль. В Канзасе, например, старые люди составляют до 25% населения некоторых маленьких городов и до 40% популяции округов. Миграция молодых людей, уезжающих в поисках работы, часто приводит к преобладанию в таких городах пожилых людей, живущих на фиксированные доходы и вложивших свой капитал в обесценивающиеся дома [14].

За последние три года автор настоящей статьи провел полевое исследование совместно с д-ром К. Норрис-Бейкер (специалистом по психологии окружающей среды и архитектором). Центральный вопрос, направлявший эту исследовательскую работу, касался того, как пожилые люди приспосабливаются к физическим, социальным и культурным изменениям, затронувшим их города. Особой целью было определение общих проблем, переживаемых жителями "умирающих" городов. В целях установления общих для изучаемых локальных экологий вопросов, мы использовали полевую стратегию "аналитической индукции" (вместо априорного предположения о наборе проблем). Вследствие чего проблемы были идентифицированы только после тщательного анализа данных, полученных в углубленном исследовании пожилых людей в нескольких из этих прототипических городов.

МЕТОД: ПОЛЕВАЯ СТРАТЕГИЯ "CASE-STUDY"

Для тщательного изучения были избраны четыре канзасских города – Неошо Фоллс, Рамона, Эсбон и Бюрр Оук. В каждом из них проживало менее 300 жителей. Города несколько отличались друг от друга по тяжести экономического упадка. Для получения информации использовались техники сбора множественных данных, включая глубинное интервью с двумя дюжинами пожилых людей, проживших всю жизнь на одном месте, включенное наблюдение, архивное исследование, фотографическое документирование, неформальные беседы с несколькими жителями, специальные автомобильные путешествия, в процессе которых пожилые люди могли указать на значимые для них места города и вспомнить события, происходившие там.

Для этого исследования был заимствован транзактный подход, разработанный К. Алдвин и Д. Стоколсом (Stocols) [1], который основан на контекстуальном рассмотрении стресса, связанного с окружающей средой. Названная модель предполагает, что отрицательные события, происходящие в окружающей среде, могут вызывать разнообразные – как позитивные, так и негативные – последствия на нескольких уровнях: от интраиндивидуального до уровня физической окружающей среды. Границы между уровнями скорее произвольны – явления, возникающие на одном уровне, определенно могут провоцировать возникновение последствий на другом. Модель позволяет создать гибкую таксономию для классификации 22-х проблем (суммированных в табл. 2), идентифицированных на сегодня авторами.

"ЗНАЧЕНИЕ МЕСТА" В УМИРАЮЩИХ ГОРОДАХ

Проблема "значения места [в окружающей среде города]" обеспечивает превосходную иллюстрацию способа взаимодействия проблем на различных уровнях системы "человек – окружающая среда".

Ряд геронтопсихологов предлагает усилить внимание к психологическим функциям, выполняемым привязанностями, которые пожилые люди испытывают по отношению к особым местам в окружающей их среде. "Жизнь и черты окружающей среды субъективно переплетены" [11, с. 52] для многих пожилых людей. Действительно, идентичность Я и идентичность места жительства могут стать для многих из них тесно слитыми. Изменения, затрагивающие значимые места в жизни людей, могут приводить к психологическому риску для некоторых из них. Это кажется особенно верным для людей, ощущающих, что они, возможно, имеют меньший уровень психологического контроля над окружающей их средой, в результате чего, могут тосковать по своему идеализируемому прошлому [20].

Автор статьи и д-р Норрис Бейкер рассмотрели этот вопрос в рамках изучения четырех городов и убедились, что пожилые жители маленьких умирающих городов

**Таксономия позитивных и негативных последствий, переживаемых пожилыми людьми в
четырёх экономически упавших городах на различных уровнях анализа**

Качество последствий	
Негативное	Позитивное
Внутренний физический уровень	
<p>а. Увеличенный риск заболеваемости и смертности; сниженная иммунозащитная способность</p> <p>б. Хрупкость подразумевает большой риск смены места жительства (недостаток вариантов выбора получения неотложной помощи)</p>	<p>а. Активный стиль жизни; улучшенное физиологическое функционирование; более тщательное слежение за состоянием здоровья; поддерживающие здоровье виды поведения</p> <p>б. Усиление побуждения оставаться независимым; возрастание цены за потерю независимости</p>
Индивидуально-психологический уровень	
<p>а. Потеря специфических компонентов окружающей среды, связанных с самоидентичностью (деперсонализация, дезинтеграция), обеднение возможностей для катексиса</p> <p>б. Снижение ощущения себя как основы будущих поколений, ослабленное ощущение будущего; тревога по поводу неизвестного будущего</p> <p>в. Атрибуции психологического контроля увеличивают вероятность негативных поведенческих последствий</p> <p>г. Малонаселенная окружающая среда создает ролевою перегруженностью и ролевою напряженностью; нарастание чувства необходимости вести себя как "вынужденный доброволец"</p> <p>д. Изменение смысла автономии: раньше возникающая и увеличенная тенденция наклеивать на себя ярлык "немогущий"</p> <p>е. Сверхпривыкание; ускоренное вторичное старение из-за постоянства окружающего мира</p> <p>ж. Деморализация; депрессия; тревога; печаль; суицидальные фантазии (потеря контроля; выученная беспомощность)</p>	<p>а. Персонализация оставшихся частей окружающей среды; рост катексической гибкости</p> <p>б. Возрастание ценности прошлого; поддержание личного вклада в местную культурную историю; роль носителя культуры</p> <p>в. Атрибуции психологического контроля увеличивают вероятность эффективных приспособительных ответов</p> <p>г. Малонаселенная окружающая среда создает увеличенное ощущение ролевой эффективности; результаты вклада в процветание сообщества вознаграждаются немедленно</p> <p>д. Переопределение автономии включает социальную поддержку (принятие помощи для того, чтобы остаться независимым)</p> <p>е. Уменьшение привыкания: возросшая чувствительность к минимальному изменению в окружающей среде</p> <p>ж. Увеличенное чувство самоэффективности; самоуважение; увеличение чувства контроля; нахождение удовольствия в адаптивном ответе (например, добровольчество)</p>
Социокультурный уровень	
<p>а. Противоречивое чувство идентичности сообщества</p>	<p>а. Перекованная, экологически расширенная идентичность; расширенная региональная социокультурная ниша</p>

Качество последствий

Негативное	Позитивное
б. Измененное чувство автономности в сообществе; зависимость от региональных городов, исчезновение первоначальных значений сообщества	б. Усиленное чувство общности; чувство сообщества расширяется для аккомодации региональной базы поддержки
в. Напряжения в семейных отношениях: географическая дистанцированность; увеличение бремя заботы	в. Усиление расширенных семейных уз; снижение конфликтов в семье; увеличение количества не кровных родственников
г. Сужение, потеря сетей неформальной поддержки; нестабильность и хрупкость сетей неформальной социальной поддержки	г. Переопределение, создание новых социальных сетей; усиленное чувство сообщества
д. Сужение набора ролей и понижение статуса, смещение и потеря формальных ролей;	д. Замена формальных ролей неформальными: увеличение количества выполняемых ролей; подкрепляется выполнение формальных ролей, поддерживающих символический статус
е. Полоролевой стресс, особенно для пожилых женщин	е. Увеличенные ролевые возможности для пожилых женщин
ж. Потеря носителей культуры; мест, указывающих на черты сообщества; потеря традиционной идентичности города	ж. Эволюция новой локальной культуры, привычек; возникновение идентичности нового сообщества
Уровень физических аспектов окружающей среды	
а. Потеря корневой экономической основы для роста и поддержания города	а. Добровольчество; пожертвования; поддержание стереотипных ценностей маленького города (романтизм в отношении окружающей среды)
б. Эмиграция старожилов; уменьшение потенциала для существования множественной разнородной популяции (демографическое сужение)	б. Иммиграция новых популяций (удалившихся от дел людей, семей с низким уровнем дохода)
в. Угрозы для длительно формировавшихся форм поведения в связи с потерями популяции и структур в физической окружающей среде	в. Создание, перестройка наборов поведения; выявление новых ресурсов; многофункциональные структуры, поддерживающие больше образцов поведения
г. Малонаселенное сообщество; очень сильный ролевой стресс, экономический дистресс	г. Малонаселенное сообщество; увеличение давления на сохранившиеся формы поведения для продолжения функционирования
д. Разрушение физической окружающей среды; девальвирование собственности	д. Историческое застывание; руины и остатки старых строений рассматриваются как символы личной и общественной идентичности
е. Изменение ценности идентичности сообщества: ощущение сообщества как отклоняющегося	е. Изменение ценности идентичности сообщества; возникновение статуса оригинального уникального сообщества ("туристическая привлекательность")

более психологически уязвимы к потере составляющих окружающей среды своих городов, чем люди, живущие в больших городах. Похоже, что оформление окружающей среды в маленьких населенных пунктах географически более специфично и менее избыточно по сравнению с другими типами окружающей среды.

Например, в маленьком городе может быть только одна бакалейная лавка, одна церковь или одно маленькое кафе. Похоже, что большее количество людей "специфично в отношении места", т.е. они регулярно выполняют одни и те же действия в одних и тех же местах – проявляя паттерны связи, которые более длительны и более часты. Поэтому можно ожидать, что "зависимость от места" – ощущаемая сила связи между своим Я и определенными местами – будет выше в маленьких городах. Как предсказывают Д. Стоколс и С. Шумахер [19]: если разрушения составляющих окружающей среды более угрожающи по отношению к людям, которые более "зависимы от места", то эти люди в результате могут переживать и более выраженный стресс. Как результат реальной или угрожающей потери [определенного] места они могут переживать сильнее выраженное ощущение деперсонализации и деморализации [3].

В отношении большинства проблем, идентифицированных авторами, существовали как позитивные, так и негативные последствия, связанные с угрозами потери или реальной потерей тех или иных мест в окружающей среде [8]. Общими были выражения печали и сожаления по поводу утраты особенных мест, таких, как школы, церкви и места собрания сообществ пожилых людей. Однако мы не наблюдали крайнего горя и чувств тяжелой утраты. Конечно, это может быть связано с эмоциональным истощением: те кто оказались не способными справиться с подобными потерями, могли уже уехать из городов.

Пожилые люди различались степенью привязанности, которую они выражали по отношению к определенным местам в городе. Для описания этих степеней применена модель уровней привязанности для домашней окружающей среды Р. Рубинштейна [11]. Структуры места в городе с меньшей личной значимостью просто упоминались в описаниях. Во время автомобильных путешествий некоторые старые жители просто перечисляли службы или дома, находившиеся когда-то на ныне свободных участках. Для других места становились более персонализированными. Например, в Неошо Фоллс старый Мемориальный Холл, построенный в 1922 году и сейчас заброшенный, имел большой личностный смысл для мэра города. Он рассказывал:

"Я играл здесь в баскетбол. Я ходил сюда [смотреть кино]... Здесь долгое время был центр сообщества... Недавно я сделал несколько фотографий, чтобы быть уверенным, что у меня сохранится память о нем после того, как он разрушится".

Более интенсивная психологическая включенность в некоторую часть окружающей среды иллюстрируется процессом "расширения" [11, с. 337]. Для одного пожилого мужчины эта глубокая привязанность представлена его отношением к трем мостам, которые пересекли реку Неошо еще со времени основания города в 1857:

"Я родился прямо здесь у моста через реку. Однажды [когда он был маленьким ребенком], один мужчина привел стадо скота с востока. Он собирался разделить скот. В стаде возник беспорядок и оно взбежало на мост. Мост рухнул."

Этот человек помнил, как в детские годы он ехал через мост на конной повозке. Он следовал за фургоном, везшим гроб его матери на кладбище. Он вспомнил годы своей зрелости:

"Я несколько лет назад вместе с тестем занимался скобяным бизнесом. Мы поставляли также цемент для постройки современного моста, дамбы, электростанции и всего этого. Мы доставляли цемент день и ночь все время, пока они работали. Я видел три моста через эту реку в течение моей жизни."

Для данного человека мосты означают место его рождения, его первое воспоминание, смерть его матери, его личный вклад в строительство сообщества.

Что должны геронтопсихологи делать с такой информацией? Интервенционисты³ должны более внимательно относиться к значению определенных мест города для пожилых жителей. Даже остатки старых строений могут нести важный психологический смысл. Специалисты по психологии сообществ и профессионалы в области психического здоровья должны расширить современные модели терапии за счет направленного внимания к привязанностям человека к окружающей среде, возможно, используя что-то вроде "терапии местом" (place therapy) [8]. Это может быть особенно важным для тех, кто всю жизнь прожил в своих маленьких городах, а затем оказался вынужденным уехать из них. Те, кто возрождает бы маленькие города, должны принять к сведению, что соотношение *психологической* цены/выгоды могут быть также важны, как и соображения *экономической* цены/выгоды.

В настоящее время авторы применяют идентифицированные проблемы для того, чтобы сформулировать переменные, которые могут быть использованы для совершенствования измерения и построения экологически релевантной модели факторов, влияющих на психическое здоровье пожилых людей. Важно также создать приемлемую таксономию "экономически умирающих" городов для направления будущих усилий по составлению выборов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Остается выразить надежду, что представленные работы иллюстрируют ряд подходов и проблем в такой динамичной области, как экология старения. Существует много направлений, в которых современная геронтопсихология может выиграть от более широкого международного исследовательского сотрудничества. Оно представляет возможность расширения диапазона видов окружающей среды. В такой области, как психология окружающей среды процесса геронтогенеза, рассмотрение разных типов окружающих условий необходимо для углубления понимания диапазона и эффективности реагирования на требования этих условий. Как отмечал Дж. Маддокс [7], народы мира аналогичны в смысле квазиэкспериментов – каждый пытается уравнивать ресурсы окружающей среды и индивидуальные потребности в различных условиях. Нарращивая усилия по сравнению и противопоставлению этих квазиэкспериментов, мы определенно повысим экологическую или внешнюю валидность наших теорий, методов, данных и предлагаемых воздействий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Aldwin C., Stokols D. The effects of environmental change on individuals and groups: Some neglected issues in stress research // *Journal of Environmental Psychology*. 1988. V. 8. P. 57–75.
2. Bradburn N. The structure of psychological well-being. Chicago: Aldine. 1969.
3. Frank J. Persuasion and healing. Baltimore: Johns Hopkins University Press. 1973.
4. Langner T. A 22-item screening score of psychiatric symptoms indicating impairment. *Journal of Health and Human Behavior*. 1962. V. 3. P. 269–276.

³Специалисты по планированию социальной политики, архитекторы, психологи, занимающиеся проблемами сообществ, специалисты по психическому здоровью (*прим. авт.*).

5. *Lawton M., Nahemow D.*, 1973. Ecology and the aging process // *The psychology of adult development and aging* / Eds. C. Eisdorfer, M. Lawton. Washington, D.C., A.P.A., 1973, P. 619 – 674.
6. *Lawton M.* The Philadelphia Geriatric Center Morale Scale: A revision. *Journal of Gerontology*. 1975. V. 30. P. 85–89.
7. *Maddox G.* Aging differently. *The Gerontologist*. 1987. V. 27. P. 557–564.
8. *Norris-Baker C., Scheidt R.* Place attachment among older residents of a "ghost town": A transactional approach / R. Selby, K. Anthony, J. Choi, B. Orland (Eds). *Coming of age*. Oklahoma City, OK: Environmental Design Research Association. 1990. P. 333–342.
9. *Norris-Baker L., Scheidt R.* From 'our town' to 'ghost town'? The changing context of home for rural elders // *Inter. J. of Aging and Human Development*. 1994. V. 38. P. 181–202.
10. *Parmalee P., Lawton M.* The design of special environments for the aged // *Handbook of the psychology of aging* / Eds J. Birren, K. Schaie. New York: Academic Press. 1990. P. 464–488.
11. *Rubinstein R.* The home environments of older people: A description of the psychosocial processes linking person to place // *J. of Gerontology*. 1989. V. 44. P. S45–S53.
12. *Scheidt R.* A taxonomy of well-being for small-town elderly: A case for rural diversity // *The Gerontologist*. 1984. V. 24. P. 84–90.
13. *Scheidt R.* The mental health of the aged in rural environments // *Every fourth elder: Aging in rural environments* / Eds R. Coward, G. Lee. N.Y.: Springer Publishing Company. 1985. P. 105–127.
14. *Scheidt R., Norris-Baker C.* A transactional approach to environmental stress among older residents of rural communities // *J. of Rural Community Psychology*. 1990. V. 11. P. 5–30.
15. *Scheidt R., Norris-Baker C.* The environmental context of poverty among older residents of economically-endangered Kansas towns // *J. of Applied Gerontology*. 1993. V. 12. P. 335–348.
16. *Scheidt R., Windley P.* Mental health of small-town elderly residents: An expanded ecological model // *J. of Gerontology*. 1983. V. 38. P. 472–479.
17. *Scheidt R., Windley P.* The ecology of aging // *Handbook of the Psychology of Aging* / Eds J. Birren, K.W. Schaie. New York: Van Nostrand Reinhold. 1985. P. 245–258.
18. *Scheidt R., Windley P.* Environmental perceptions and patterns of well-being among older Americans in small rural towns // *Comprehensive Gerontology*. 1987. V. 1. P. 24–29.
19. *Stokols D., Shumaker S.* People in places: A transactional view of settings // *Cognition, social behavior and the environment*. / Ed. J. Harvey. Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associated. 1981. P. 441–488.
20. *Tuan Y.* Space and place: The perspective of experience. Minneapolis: University of Minnesota Press. 1977.
21. U.S. Department of Health and Human Services (April, 1993). Common beliefs about the rural elderly: What do national data tell us? Vital and Health Statistics. Series 3. № 28. DHHS Publication No. (PHS) 93–1412. Hyattsville, Maryland.
22. *Windley P., Scheidt R.* Studying older persons in small rural towns: Environment and well-being. // *Educational Gerontology*. 1980. V. 5. P. 355–373.
23. *Windley P., Scheidt R.* An ecological model of mental health among small-town rural elderly // *J. of Gerontology*. 1982. V. 37. P. 235–242.
24. *Windley P., Scheidt R.* Taxonomy and environment-aging interaction. A case for small-town diversity // *J. of Rural Studies*. 1985. V. 1. P. 297–305.
25. *Windley P., Scheidt R.* Rural small towns: An environmental context for aging // *J. of Rural Studies*. 1988. V. 4. P. 151–158.